

Ёбург

Автор:

Алексей Иванов

Ёбург

Алексей Викторович Иванов

Города Ёбург нет на карте. В Советском Союзе был закрытый промышленный город-гигант Свердловск, в России он превратился в хайтековский мегаполис Екатеринбург, а Ёбург – промежуточная стадия между советской и российской формациями.

В новой книге Алексея Иванова «Ёбург» – сто новелл о Екатеринбурге на сломе истории: сюжеты о реальных людях, которые не сдавались обстоятельствам и упрямо строили будущее. Эпоха перемен порождала героев и титанов, и многих из них вся страна знала по именам. Екатеринбург никогда не «выпадал из истории», всегда решал за себя сам, а потому на все жгучие вопросы эпохи дал свои собственные яркие ответы. И это произошло во времена Ёбурга.

Алексей Иванов

Ёбург

Фотографы:

Владимир Якубов, Анатолий Семехин, Дмитрий Горчаков, Юлия Зайцева

Также в книге использованы фотографии из архивов группы “ЧАЙФ”, компании “Малышева-73”, ЗАО “РСГ-Академическое”, Аркадия Чернецкого, Виктора

Ермолаева, Егора Белкина, Евгения Ройзмана, Владимира Пелепенко,
Владислава Крапивина, Дениса Усенко, Игоря Дубяго, Николая Коляды, Алексея
Федорченко

© Иванов А.В.

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

За поддержку в создании этой книги автор благодарит

Константина Погребинского

и Игоря Завадовского,

учредителей компании «Малышева-73».

Господа!

Ваша бескорыстная помощь была таким сильным и свободным жестом, что уже на старте проекта я убедился: итог, который будет оглашён на финише, – чистая правда!

И ещё.

Спасибо Иннокентию Шеремету – это он указал дорогу в Екатеринбург.

Спасибо Алексею Бадаеву – это он помог мне выйти в путь.

Спасибо Юлии Зайцевой – это она прокладывала маршруты.

Спасибо Анне Матвеевой за яркие истории.

Спасибо Дмитрию Карасюку за веру в эту книгу.

Пролог

Имена

Он уже почти не помнил, что его называли Екатеринбург.

Город был самим собой два столетия, а в 1924 году советская власть взяла и переименовала его в Свердловск. Яков Свердлов, большевик и боевик, жил в Екатеринбурге в 1905–1906 годах: приехал по приказу партии, проводил митинги, устраивал стачки, создавал боевые дружины, а заодно женился на дочери купца-миллионера. Жандармы вычислили смутьяна, и он бежал – перед пикетом на городской заставе ловко изобразил рожаящую бабу.

Екатеринбургские товарищи уважали Свердлова за жёсткую бандитскую хватку и за талант организатора, однако в лихой жизни знаменитого большевика Екатеринбург был просто парой эпизодов – не самых долгих и не самых важных.

Воли и энергии Якову Свердлову хватало на всё, а совесть его не угнетала: в 1918 году он утвердил решение Уралсовета расстрелять в Екатеринбурге царя вместе с семьёй. Сам же Свердлов умер в 1919 году в возрасте 33 лет: то ли его свалил грипп-испанка, то ли до полусмерти избивали рабочие. Через пять лет Екатеринбург стал Свердловском.

Прошло больше полувека. Все феномены, благодаря которым нация знала о городе, оказались уже свердловскими. Родовое венценосное имя города исчезало из сознания нации. А имя города – это его статус, его программа, его судьба. Обо всём таком робко напоминали местные достопримечательности, но кто же слышит их голос, кроме улетевших по теме краеведов? От бывшего славного Екатеринбурга остался последний общезначимый артефакт – дом инженера Ипатьева.

Этот особнячок на склоне Вознесенской горки знала вся страна, хотя его не описывали путеводители. В этом доме последние свои месяцы провела царская семья – отрёкшийся император Николай II, императрица Александра, цесаревич Алексей и княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия. В ночь с 16 на 17 июля 1918 года в подвале дома Ипатьева большевики расстреляли и добились штыками «граждан Романовых», их слуг, врача и даже комнатных собачек.

Честный заводской парень Свердловск не захотел быть причастным к такому злодеянию. Чур меня! Убийство произошло в Екатеринбурге! Посреди советского трудового Свердловска стоял неприкасаемый дом Ипатьева – проклятый остров старого города, последний носитель имени Екатеринбург. Лишь гибель царской семьи, страшная жертва, удерживала имя города, следовательно, неразрывность истории и целостность души, потому расстрел Романовых так значим и ныне, хотя уничтожение невинных людей – неправильная «точка сборки» для бренда.

Дом Ипатьева как заноза напоминал стране о казни Романовых и о городе Екатеринбурге. А приближалась годовщина расстрела – 60 лет. Ходил слух, что ЮНЕСКО думает включить дом Ипатьева в список объектов всемирного наследия. И в 1975 году председатель КГБ СССР Юрий Андропов обратился в Политбюро с ходатайством о сносе дома. Политбюро приняло секретное постановление. Через два года, в сентябре 1977 года, поневоле взяв на себя всю ответственность за это решение, первый секретарь Свердловского обкома КПСС Борис Ельцин распорядился начать снос. К зданию подъехал автокран с «шар-бабой» и за пару дней превратил особняк инженера Ипатьева в груды битого кирпича. Грузовики увезли мусор, а осенние дожди прибили пыль. Всё. Нет дома – нет проблемы.

Советское общество давно смирилось с мыслью, что расстрел царской семьи был необходимостью военного времени. Однако снос дома Ипатьева выглядел так, будто власть замечает следы преступления. Акция властей получила обратный

эффект: отсутствие дома оказалось хуже присутствия. Снос ипатьевского дома интеллигенция города не стерпела и смутно зароптала: «Всё у нас неправильно!»

В результате в 1981 году Свердловск взбудоражила книга писателя Бориса Рябинина «Город, где мы живём» – беседы о городе с художником Львом Эппле, экологом Владимиром Большаковым, архитектором Геннадием Белянкиным. Рябинин честно и прямо писал о разрушении городской среды – культурной и природной. В ответ огрызнулся, но исправлял ошибки секретарь обкома Ельцин. Хотя это был только первый круг от брошенного камня. Уже через пять лет голос города обрёл полную громкость: заговорил Свердловский рок-клуб. Заговорил о самом главном, о невыносимом, о том, что важно для всех, а не только для города Свердловска. И дальше пошло-поехало. Тектонические сдвиги истории сопровождались рёвом митинговых мегафонов и грохотом бандитских автоматов.

Конечно, не снос ипатьевского дома был тому причиной. Но ведь надо с чего-то начинать. Обретение себя Екатеринбург начал с упрямого недовольства за особняк инженера Ипатьева. И в 1991 году городу вернули родовое имя.

Но официального переименования было мало, и вот такого никто не ожидал. Город разрывало удивительными событиями, грандиозными переменами, жуткими откровениями эпохи. Судьбу подстёгивали пассионарии. Для их города название Екатеринбург было слишком «дисциплинированным». Язык искал адаптированные варианты. По аналогии с Питером был предложен стильный Катер – но нет, не прижилось. И тогда явился Ёбург. Название вызывающее, наглое, хлёсткое, почти непристойное. За него можно было и по морде получить. Но так выбрал язык, а он знает технологии семантики и чует магнитное притяжение коннотаций.

Даже на слух энергичное и краткое название Ёбург как-то соответствует сути того Екатеринбурга – города лихого и безбашенного, стихийно-мощного, склонного к резким поворотам и крутым решениям, беззаконного города, которым на одной только воле рулят жёсткие и храбрые, как финикийцы, лидеры-харизматики. Хулиганское имя Ёбург – символ прекрасного и свободного времени обновления.

Всё проходит, и Ёбург в прошлом. Бурного Ёбурга уже нет, есть богатый и престижный мегаполис Екатеринбург. Город сумел вернуться к себе. «Ёбург»

был только промежуточной стадией превращения «закрытого» советского Свердловска в евроазиатский буржуазный Екатеринбург эпохи глобализма и хайтека.

Его будут называть Екат, но Екат – не Ёбург. А эта книга – про Ёбург. Про Великую Метаморфозу. Про героев, которые здесь делали будущее. Однако – по большому счёту – книга рассказывает не об отношениях людей друг с другом и не об отношениях людей с законом: книга – про отношения людей с городом.

Ёбург. Ёбург. Ёбург.

Глава первая

Закрытый город

В Свердловске всё спокойно

Свердловск запрессовали в шаблон: отформатировали под типовой советский город, в котором за индивидуальность отвечает лишь культурное наследие, а оно рассеяно и никак не выявлено. Для обывателя Свердловск затерялся среди других городов, названных в честь героев партийного пантеона: Ульяновск, Дзержинск, Будённовск, разные там Киров, Куйбышев, Калинин, не говоря уж о Ленинграде. Что обыватель мог сказать про Свердловск? Чё-то где-то на Урале. Вот и всё.

Фантазия рисовала какие-то смутные и грозные картины. Дымящиеся трубы. Чёрные потоки людей в спецовках по рассветным улицам утекают в проходные. Уралмаш огромными ковшами льёт жидкую сталь, озаряя стены цехов. Из ворот завода с рокотом выезжают танковые колонны. В котлованах грузно ворочают решетчатыми стрелами гигантские шагающие экскаваторы. Композитор Родыгин сидит на снаряжном ящике, играя на гармонии песню про уральскую рябинушку:

«Треплет под рябиною ветер без конца справа – кудри токаря, слева – кузнеца...»

А каким в реальности был город Свердловск во второй половине семидесятых и в первой половине восьмидесятых, то есть во времена «развитого застоя», как раз в те годы, когда Свердловской областью руководил Борис Ельцин? Большой город, окружённый фантастическими конструкциями индустриальных комплексов и панельными заборами спальных кварталов. Вдоль горизонта плыли заводские дымы. Жилые массивы вдруг переходили в промзоны, чудовищные по масштабу, а пространство города расчленяли клинья лесопарков и прудов.

Все города СССР, кроме Москвы и Ленинграда, выглядели малолюдными и низкими, особенно по нынешним меркам: без подсветки, без рекламы, без автомобильных пробок. В первые десятилетия советской власти архитекторы с энтузиазмом загромождали Свердловск зданиями конструктивизма и превратили город в мировое собрание этого стиля, а на излёте эпохи динамика и энергетика конструктивизма поддержали типовую панельную застройку, и город не казался монотонным и однообразным. Статусные объекты центра вычленились из среды неоклассикой, словно посреди скороговорки футуристов вдруг начинал звучать гекзамер.

Свердловск называли «столицей Урала» – в такое определение вкладывался некий историко-географический смысл по принципу «елей вместо прав», однако и на деле Свердловск обладал чертами столичности. На улицах звенели жёлто-красные трамваи «Татра», как в Москве, а не красно-белые вагоны из Усть-Катава, как в Тагиле или Челябинске. В 1967 году Свердловск стал «миллионером».

Областные города имели университеты и набор вузов, как в абитуриентском стишке: «Ума нет – иди в пед, стыда нет – иди в мед, ни тех ни тех – иди в политех». В Свердловске в придачу к обязательному комплекту ещё были горный, архитектурный и юридический институты плюс СИНХ – институт народного хозяйства. Так же и с театрами: сверх ассортимента из драмы, оперы, ТЮЗа и кукольного здесь работал Театр музыкальной комедии. Наконец, в Свердловске выходил зональный литературный журнал «Урал», традиционный «толстяк», а в пару к нему – любознательный и молодёжный «Уральский следопыт».

При «оборонном» характере города казалось немного зловещим, что здесь расположен УНЦ – Уральский научный центр, региональный отдел Академии наук. Хотя город жил мирно. Даже когда в 1979 году из секретного института сбежала сибирская язва и убила 64 человека, эпидемия не вызвала паники. Свердловчане знали: это издержки ситуации. Город и гордился, и тяготился своим значением, своей закрытостью от мира. Из иностранцев в Свердловске бывали в основном чехи: Свердловск был побратимом с Пльзенем, а Уралмаш имел связи с машиностроительной компанией «Шкода». Ну и ещё – в силу странных завихрений международной дружбы СССР – в Свердловске было много монголов.

В 1973 году, к 250-летию города, свердловчане получили Исторический сквер на месте старого завода. Старая заводская плотина, которую в городе любовно называют «Плотинка», стала любимым местом прогулок, детишки лазали по огромным каменным глыбам – образцам горных пород Урала. В том же году впервые отпраздновали День города. В 1977-м – сдали новое здание ТЮЗа. В 1980-м – новое здание цирка с удивительным «структурным» куполом. В 1982 году власть въехала в высотный Дом Советов, который был символом могущества КПСС, а не Советов; эту неудобную башню, на треть занятую шахтами лифтов, ехидные горожане тотчас прозвали «членом партии». В 1983 году открыли Дом кино и затеяли строить телебашню.

На 9 Мая и 7 Ноября многотысячные демонстрации с флагами и лозунгами ходили по проспекту Ленина через Плотинку на площадь 1905 года. Влюблённые катались по городскому пруду на взятых в прокат вёсельных лодках. В ЦПКИО под музыку крутились громоздкие карусели и колесо обозрения, посвистывала детская железная дорога. Пафосные премьеры проводил киноконцертный театр «Космос», а на высокой веранде его ресторана под ВИА танцевали девушки советской элиты, смущая атлетов-комсомольцев на стадионе «Динамо». Элита жила в новых кварталах в районе Октябрьской площади, а дети бонз учились в престижной школе № 9.

Советский город Свердловск. Проспект Ленина в 1982 году

Как достопримечательность свердловчане показывали приезжим ресторан «Уральские пельмени», но обычные люди туда не ходили: дорого. Богема слушала джаз в ресторане «Океан», а когда было не до джаза, то похмелялась в ресторане «Серебряное копытце», который называли просто «Копытом». Лакомки обожали пышечную на улице Свердлова. Интеллектуалы посещали заседания киноклуба в «Автомобиле» – ДК «Автомобилист», который потом окажется Троицким собором. Первые экстремалы-скейтбордисты тренировались на пандусе Дворца культуры Уралмашзавода, причём скейтборды по схемам из журнала «Юный техник» тайком на работе изготавливали мастера-самородки экспериментального цеха Уралмаша.

Пацаны ходили в кинотеатр «Октябрь» на стереокино, правда, несколько лет подряд в стерео показывали только скучный фильм «Ученик лекаря», и веселее было рассматривать зал, где все зрители сидели в очках – ваще уржётся! Зимой с трамплинов на Уктусских горах летали лыжники. Летом советский средний класс на своих «москвичах» и «жигулях» отправлялся на пикники на светлое озеро Балтым, а народ попроще на автобусах трясся до озера Шарташ. Обкомовские «Волги» грузно катили на дачи за заборами Малого Истока, а отвязные студенты и ПТУшники на трамваях гоняли на пляж у ВИЗа, Верх-Исетского завода, где на фоне циклопических заводских градирен самые смелые девчонки загорали топлес.

Молодёжь из области тянулась в города, на селе оставались одни старики, и многие деревни вокруг Свердловска превращались в дачные, заселённые летом более-менее состоятельными горожанами. Набитые битком электрички и автобусы развозили дачников по их скромным владениям. Но воскресными днями больше всего народу ехало до станции Шувакиш. Там гомонил обширный рынок, где продавали импорт и дефицит: джинсы, кроссовки, дублёнки, косметику, аппаратуру. В лесочке поблизости располагалась легендарная «туча» – продажа и обмен виниловых грампластинок. Размах оборота, жажда наживы и потребления, ажиотаж и компетенция участников торжища развеивали все советские идеалы.

А что знали о Свердловске в СССР? Знали про Уралмаш – «завод заводов», но больше в контексте ударных строек эпохи индустриализации. Знали сказы Бажова, хотя понимали их конъюнктурно: будто бы Бажов погружал классовую борьбу в глубину времён и облакал в сказочную форму, тем самым превращая её в некий изначальный национальный миф. Знали Свердловскую киностудию, которая сняла экзотические фильмы про Угрюм-реку и приваловские миллионы.

Знали завод «Уральские самоцветы», который производил недорогую ювелирку с камешками – она радовала не столько глаза, сколько патриотические чувства. Знали и другие «Уральские самоцветы» – фабрику недорогой парфюмерии, которая тоже больше радовала патриотические чувства. Знали непобедимую волейбольную команду «Уралочка» и её тренера Николая Карполя. А вот Бориса Ельцина, первого секретаря Свердловского обкома партии, в середине восьмидесятых ещё не знали.

Ко времени Ельцина Советский Союз уже исчерпался. Не то чтобы он ослаб или совсем задушил своих граждан тиранством – нет. Но витала в воздухе какая-то неудовлетворённость. Чего-то было надо ещё. То ли достроить недостающее, то ли переделать имеющееся... И при Ельцине в Свердловске расцвели или были созданы с нуля несколько общественных феноменов, которые в определённом смысле можно считать проектами новой жизни. И о них тоже знала вся страна.

Образцом параллельного государству, но полунатурального существования оказалась община свердловских художников в деревне Волыны. Её опыт годился для личного спасения, но не подходил всей стране. Для общества существовали, пожалуй, только две стратегии исцеления: открыть себя идеалу или открыть себя миру. Конечно, тогда ещё и речи не шло о каком-то выборе между коммунизмом и капитализмом. Но вопрос звучал повсюду в СССР, и город Свердловск дал весьма репрезентативные ответы.

Сообщество Свердловского МЖК и сообщество клуба «Каравелла» оказались социально успешны, потому что открыли себя идеалам, реабилитировали ценность коллективизма. А сообщество любителей фантастики и сообщество Свердловского рок-клуба оказались социально успешны, потому что открыли себя миру, всему многообразию западной культуры. В общем, были реализованы обе программы самоспасения. Но ни одна из них не спасла. Ни одна не совпала с будущим.

С будущим полностью совпал только Борис Ельцин.

«Работает строителем»

Плотное, добротное и деятельное благополучие конца 1970-х и начала 1980-х – время, когда первым секретарём Свердловского областного комитета партии был Борис Николаевич Ельцин. Он определял жизнь города и области.

Ельцин родился в 1931 году в крестьянской семье в селе Бутка под Талицей. Места здесь были издревле раскольничьи, болотистые и совсем глухие. Но семье пришлось перебраться в большой город Березники, под бок калийному комбинату. Борис окончил школу в полуразбойных рабочих кварталах и уехал в Свердловск, поступил на стройфак Уральского политеха – УПИ. Жил бедно, а учился хорошо. В 1955 году он получил диплом, почти весь с пятёрками, и началось дело.

Страна оживала в «оттепели», превращалась в грандиозную строительную площадку. Молодой и волевой инженер Ельцин женился на скромной сокурснице Наине и устроился работать простым рабочим. Он хотел знать производство от азов: освоил 12 рабочих профессий и лишь потом стал прорабом.

Послевоенный беби-бум распирал державу, нация требовала жилья, садиков, школ и больниц – и города стремительно обрастали «хрущёвками», которые тогда ещё не были «хрущобами» и казались дворцами. Их строили такие, как Ельцин. И для строителей открывались блестящие карьерные перспективы. В 35 лет инженер Ельцин стал директором крупнейшего в области домостроительного комбината.

В то время сформировался его стиль работы. Дело важнее всего, оно – та же война, поэтому здесь слабых не щадят, но достойных награждают. И у Ельцина появилась генеральская привычка дарить рабочим часы прямо с руки. Он любил крутые решения и широкие жесты. Он был уверен в себе, но без спеси и хамства.

Директора ДСК Бориса Ельцина заметил первый секретарь Свердловского обкома партии Яков Рябов. В 1968 году Ельцин перешёл работать с производства в обком – командовать отделом строительства. Оно и верно: в стране завершалась эпоха «социальных лифтов» по трудовым заслугам и начиналась эпоха партийных карьер. Рябов понимал, что уйдёт на повышение в Москву, и готовил себе смену. Ельцин значился под номером два, но по воле обстоятельств оказался первым. В 1976 году в возрасте 45 лет Ельцин стал руководителем Свердловской области.

Из скромной квартиры на Химмаше семья Ельциных переехала в центр, в элитный дом № 2 по улице 8 Марта. Елена и Татьяна, дочери Бориса Николаевича, учились в престижной школе № 9. Однако Наина Иосифовна, как прежде, работала в институте «Союзводоканалпроект», и отнюдь не директором. У Ельцина даже машины своей не было. Разумная сдержанность – главный принцип семьи первого секретаря обкома, и даже потом, уже в Москве, в МГУ, Татьяна Ельцина на вопрос об отце будет отвечать непроницаемо: «Работает строителем».

Дом, где в Свердловске жил Борис Ельцин, первый секретарь обкома

Он и вправду работал строителем. Он заложил в Свердловске метрополитен. При нём возвели цирк со «структурным» куполом и высотный Дом Советов. Он достроил асфальтовую дорогу на север, в город Серов, и поддержал инициативу МЖК. Он запретил в центре Свердловска типовые многоэтажки и ускорил как смог избавление окраин от бараков: на три года заморозил очередь на жильё и, не слушая ропота очередников, переселил в новостройки обитателей трущоб. Получилось нехорошо – нечто вроде анти-МЖК. И это всё аукнется Свердловску. Через десять лет из тех спальных кварталов на проспекты выйдут гангстерские бригады с калашами – выросшие пацаны с барачным воспитанием.

Свердловск был индустриальным мегаполисом, но Ельцин понимал важность малых проблем быта. В 1980 году Ельцин поссорился с Госпланом СССР из-за того, что союзная власть свободно планировала развитие промышленности в городе, но не задумывалась об инфраструктуре – о жилье, больницах, школах, магазинах. Ельцин навьючивал городскую инфраструктуру на шею могучим предприятиям Свердловска, заставлял заводы выпускать хотя бы что-то полезное простым людям – электроутюги там какие-нибудь, стиральные машины или детские санки.

Любимым развлечением Ельцина был волейбол, и в Свердловске волейбол стал «царским видом спорта». Ельцин поддержал тренера Карполя и его команду «Уралочка», и вскоре с мячами запрыгали все чиновники, а город принял программу развития волейбола и план строительства 327 новых площадок.

Ельцин ввёл в практику общение с горожанами. Он встречался со студентами и с колхозниками, разговаривал, вникал в суть проблем – правда, общество тогда ещё не знало, что такое популизм. Прямых эфиров тоже ещё не было, и Ельцин по телевизору отвечал на письма граждан. К первой передаче поступило 906 писем, а потом их приходило в разы больше. Аппаратчики обкома сидели по вечерам на работе, сортировали письма, отвечали людям и готовили ответы для начальника. Стремление Ельцина к публичности московское партийное руководство называло «концертами», но Ельцин реально делал власть справедливой и человечней.

Он был фигурой могучей и противоречивой. Иногда мог признать промахи власти, но всё равно оставался плотью от плоти советского строя. Борис Ельцин был тираном-демократом, мирным генералом, который строг не ради правды, а ради победы. Урал знал и любил начальников подобного типа: такими в историю города вошли «горные командиры» Василий Татищев и Владимир Глинка.

Ельцин не просто попал в образ «уральского лидера» – он был уральцем по генетике, по мировоззрению, хотя вряд ли знал историю Урала. Его уральскость проявится и в выборе средств для реформирования государства. Горбачёв, ставропольский «крестьянин», начнёт менять систему с внедрения кооперативов: крестьяне всегда кустари и мелкие собственники. Ленинградские интеллектуалы-«младореформаторы» будут твердить, что нужно конституцией вводить институт частной собственности. А Ельцин, свердловский «рабочий», учредит капитализм по заводскому пониманию: объявит приватизацию. Госсобственность назначат к раздаче надёжным людям. Так Пётр I отдал Никите Демидову Невьянский завод.

В 1985 году по протекции Якова Рябова Ельцин переехал в Москву на работу в отдел строительства ЦК КПСС. Город проводил первого секретаря обкома спокойно: ни у кого тогда не было ощущения исключительности Бориса Николаевича Ельцина. Хотя через два года, когда смутьян Ельцин попадёт в опалу, обком Свердловской области вслед за Горбачёвым осудит его, а горком – нет, не осудит, промолчит.

Памятник президенту Ельцину возле Ельцин-центра и «Демидов-Плаза»

Из 76 лет жизни 54 года Ельцин провёл на Урале. В 2011 году сотрудники Уральского центра Ельцина Григорий Каёта, журналист, и Анатолий Кириллов, историк, издадут объёмную книгу «“Первая жизнь” Бориса Ельцина» – обобщение свердловского периода Бориса Николаевича. И в том же году Ельцин вернётся в Екатеринбург мраморным памятником перед бизнес-центром «Демидов-Плаза».

Волыны

Художники Советского Союза знали, что в Свердловске сложилась мощная «группировка» мастеров. Не в смысле школы, хотя живописцы и графики в своих работах взаимно обыгрывали мотивы друг друга, а в смысле товарищества по судьбе. Ёмким воплощением этого товарищества стала деревенька Волыны.

Она находится в сотне километров от Свердловска-Екатеринбурга, неподалёку от посёлка Староуткинск и реки Чусовой. Деревня как деревня. Полсотни домишек с огородами и крепко выпивающие чудики: местные мужики мрачно шутили, что водка положила здесь больше народу, чем война с фашистами.

В 1972 году художник Геннадий Мосин купил в Волынах небольшую усадьбу. Цель покупки была самая прозаичная: советской торговле доверия нет, пускай картошка-моркошка-укроп-чеснок всегда будут свои.

Мосину было 42 года. Коренной уралец, он отучился в престижном институте имени Репина. В 1959 году дебютировал картиной «Похороны жертв революции». Начальству она понравилась. Мосин получил лучшую мастерскую Свердловска и, очарованный благополучием, заговорил о приближении «нового Ренессанса».

Но от соцреализма Мосин ушёл в «суровый стиль», а потом и ещё дальше – в некий экспрессионизм, лобовой, как плакат, но яростно-сдержанный. В 1964 году Мосин выставил страшное полотно «Политические. 1905 год». Потом вместе с художником Мишей Брусиловским написал картину «1918-й». Начальство ошалело от небывалой трактовки образов Ленина и его соратников.

Расхождений с каноном по идеологии, разумеется, не было, но по стилю... Так не положено изображать вождей!.. А два сумасшедших живописца уже несли холст «Красные командиры времён Гражданской войны на Урале». «Как повешенные!» – ахнули начальники про «Красных командиров». И Мосина с Брусиловским просто задвинули. Работы сослали в дальние музеи, а художников перестали замечать в упор.

Волыны – деревня художников

От гражданского пафоса Геннадий Мосин потихоньку сместился к народному эпосу. Он воспринимал мир мощно и цельно и на полотнах туго вколачивал цвет в объёмы, будто набивал мешки цементом, пока формы не начинали переливаться оттенками, словно от усилия покрывались испариной. Работы Мосина, лаконичные по колориту и обобщённо-условные, получались какими-то титаническими. Они отзвучивали долгим глубинным эхом, как неуспокоенный колокол после набата.

Загородная жизнь семейства Геннадия Мосина в деревне Волыны увлекла и других художников: малина, рыбалка, баня и дружеская выпивка. Художники принялись покупать домики с огородами рядом с Мосиными. В конце концов в Волынах оказалось около 30 художников. Волыны превратились в бренд.

Это была не коммуна, потому что никто здесь не обобществлял имущество. Но и не длительный пленэр, не пастораль, потому что тут приходилось трудиться: копать огород, носить воду, колоть дрова. И элитным дачным посёлком вроде Переделкина Волыны тоже не были: власть не дарила их художникам с барского плеча. Это была просто деревня Волыны. Типа убежище. Реакция на окружающую действительность, когда все уверены, что в ней уже ничего никогда не изменится.

Художники создали себе оазис нормального мира. Жили по-человечески, ходили в гости и на этюды, спорили обо всём, рисовали друг друга с жёнами и детьми, рисовали окрестные леса и мохнатые травяные поляны, кряжистые скалы на Чусовой и местного кота Матвея. Художник Анатолий Калашников нагрёб со дна речки камешки и раскрасил – получились дивные «Рыбки», ярче тропических.

Геннадий Мосин умер в 1982 году, а Волыны продолжались. Соседнее село Чусовое хвастало, что имеет единственную в СССР сельскую картинную галерею. Главным жителем Волын стал художник Герман Метелёв.

Он был на восемь лет младше Мосина, тоже коренной уралец и выпускник института Репина. Красивый бородатый мужик с шапкой курчавых волос, он был одарён щедро и разнообразно – не зря кержацки строгий Мосин предчувствовал Ренессанс. Успешный и признанный Метелёв иллюстрировал книги, набирал панно и мозаики, а в Волынах выкладывал друзьям печи и ковал подсвечники. Однако своим призванием Метелёв считал живопись. Он широко закидывал пространство холста лёгкими лоскутьями радостного цвета, а потом игривыми штриховыми мазками выявлял фигуры – или же вдруг словно вытягивал из глубины телесно-мощные пластические формы. Он изображал и Дантов ад, и литейный цех.

Волыны, деревня художников, пережила лихие времена и помогла пережить их своим обитателям. Эта деревенька не превратилась в мемориал самой себе, не закаменела памятником идеалам ушедшей эпохи, а потому жива и поныне. Трубы её дымят, собаки лают, петухи кукарекают, цветёт картофан, о вечной любви поют на заборах свирепые правнуки кота Матвея, и дно речки словно блестит дивной мозаикой из цветных камешков. А художник Герман Метелёв умер в 2006 году и спит за околицей Волын.

Утопия-85

Советский Союз не мог решить одну из самых важных проблем своих граждан – проблему жилья. Деньги-то были, не было рабочих рук. Когда положение стало невыносимым, появилась идея МЖК – молодёжного жилого комплекса. Суть

идеи в том, что инициативная молодёжь какого-либо предприятия объединяется, получает фонды и финансирование и сама возводит себе жилые дома. В 1968 году в подмосковном городе Калининграде молодые учёные организовали первый отряд МЖК. В 1976 году он достроил, сдал и заселил первый дом. В 1977-м об этом социальном новшестве написала «Комсомольская правда».

Статью прочитал Евгений Королёв, командир студенческого стройотряда УПИ – Уральского политеха. Королёв собрал знакомых стройотрядовцев УПИ и УНЦ – Уральского научного центра. Всем им было около тридцати. Они прорвались к Борису Ельцину, первому секретарю обкома, съездили в Калининград за консультацией и выбили права и ресурсы для своего МЖК. Свердловский МЖК окажется вторым в СССР, но самым большим и самым известным.

Королёв родился в 1951 году. Физик-ядерщик, в лаборатории он облучился и заработал рак, при сложнейшей операции пережил клиническую смерть. Наверное, он Бога увидел. Он выжил. И понял, ради чего следует жить. Его назовут пророком. Худой, словно его изнутри сжигало пламя, он существовал на кофе и сигаретах. Он строил не обычный МЖК: он строил идеал, «город мира».

Свердловский МЖК в восьмидесятых

Энтузиасты МЖК спланировали свой район: 11 жилых высоток, два детсада, поликлиника, школа, культурно-оздоровительный спортивный комплекс. Первые этажи домов отводились под детские клубы. Каждый дом имел подземный гараж на 36 боксов – а всего в МЖК наметили втрое больше боксов, чем было машин на тот момент. Над гаражами – спортплощадки. Запланировали даже освещённую шестикилометровую «тропу здоровья». Горисполком отмерил МЖК 11 гектаров в районе Каменных палаток. На этих гектарах были тюрьма, склад химреактивов, какие-то трущобы, чахлый лесок. Лесок эмжэковцы решили не вырубать.

Дольщиками Свердловского МЖК стали домостроительный комбинат, НПО автоматики имени Н. Семихатова, НПО «Вектор» и УПИ – политех. Они получали

на МЖК деньги из Москвы и формировали отряды строителей и будущих жильцов. Строителей отпускали с места работы, сохраняя стаж и небольшую зарплату. Но первые два года эмжэковцы строили не свои дома, а цех больших панелей на ЖБИ – заводе железобетонных изделий: без этих панелей нельзя было соорудить запланированный грандиозный комплекс.

Возводить дома для МЖК самоуверенно взялся домостроительный комбинат – ДСК. 29 октября 1980 года был заложен первый камень первого здания. Эмжэковцы принялись доделывать долгострой ДСК, а советский гигант стройиндустрии тотчас завалил все планы и сроки. Эмжэковцы отстранили ДСК от дела и дальше строили свой комплекс сами, своими руками, без выходных и отпусков, днём и ночью.

Каждую смену на стройплощадку выходили 5–6 отрядов общей численностью примерно 150 человек. Каждым отрядом командовал комиссар. Подразумевалось, что один отряд – один подъезд. Управлял всем процессом выборный оргкомитет МЖК. Эмжэковцы были технарями, поэтому их утопия была технократической и жёсткой: запись в отряд разрешалась только работникам до 30 лет. Так из МЖК создавали однородный социум. Хотя потом это аукнется весьма неожиданными проблемами – например, в МЖК не окажется бабушек, которые со скамеечек у подъездов следили бы за внуками-школьниками, пока родители на работе.

Деятельность работника оценивалась по его «дневнику»: каждый эмжэковец имел особую тетрадь, в которой перечислял свои «полезные дела», а «свидетели» расписывались, мол, так оно и было. За «полезные дела» бригада начисляла баллы, от их количества зависела очерёдность выбора квартиры: у кого больше баллов – у того больше выбор. Случались и курьёзы: человеку давали баллы за то, что он принёс на стройку МЖК пачку сварочных электродов, а электроды он стибрил со своей официальной работы. Но всё равно как-то ведь надо было отслеживать индивидуальный вклад, и дневники со своей задачей справлялись.

Евгений Королёв писал, что МЖК – «это реакция молодых на ту ублюдочную жизнь, которую устроили в стране руководившие ею старцы». Впрочем, многие большие чиновники вроде Ельцина поддерживали МЖК – но тайком, не оставляя подписей на документах. ЦК ВЛКСМ объявил Свердловский МЖК социальным экспериментом, и все указы, которые облегчали работу свердловчанам, касались только их одних и не помогали другим МЖК. А это движение ширилось по

стране, и в Свердловск приезжало по 600 делегаций в год посмотреть, что и как.

Они достроили всё, у них всё получилось. Был риск, что социалку бросят, когда возведут жильё, но непримиримый и несгибаемый идеалист Королёв стоял стеной: отряды МЖК, сдав 1500 квартир, доделали и садики, и больницу, и прочие проекты. На первых этажах заработало 48 детских кружков и детских клубов. В школу по конкурсу набирали педагогов со всего СССР. В МЖК был даже бассейн, чтобы учить младенцев плавать. По городу в среднем на семью насчитывалось 1,9 ребенка, а в МЖК – 2,6. МЖК стал магнитом идей для всего СССР и кузницей элиты: через десяток лет в каждом подъезде будет жить по 4–5 разных директоров.

МЖК в Екатеринбурге через двадцать лет

Возможно, МЖК были самой успешной версией советского социума. Эталоном и программой для эволюции СССР. До «города мира», о котором мечтал Евгений Королёв, МЖК было далеко, но не в этом дело. МЖК – человеческое осуществление социалистической утопии, а Свердловск с его конструктивистскими комплексами домов-коммун и соцгородков хорошо разбирался в утопиях коллективизма.

Пламенный Евгений Королёв тянул МЖК из социализма в коммунизм. А эпоха готовилась поменять социализм на капитализм. И будущее МЖК определялось тем, что всё построенное – собственность не МЖК, а организаций-дольщиков.

«Подари искорку»

Весь Советский Союз знал, что в Свердловске живёт лучший на свете детский писатель Владислав Крапивин. Город – закрытый индустриальный мегаполис в глубине страны и континента, в общем, там, откуда, как говорится, хоть три

года скачи, ни до какого государства не доскачешь. А Крапивин пишет о распахнутых просторах вселенной, сочиняет прекрасные и пронзительные истории о грозных океанах и далёких островах, о легендарных парусниках и старых крепостях.

Крапивин родился в 1938 году в Тюмени в семье учителей. После школы он поступает на факультет журналистики Уральского университета, после журфака работает в журнале «Уральский следопыт». В 1962 году, когда Крапивину всего 23 года, в Свердловске выходит его первая книжка «Рейс “Ориона”». В 1964 году Крапивина принимают в Союз писателей – считай, жизнь уже удалась. В 1970 году награждают медалью «За доблестный труд», а труженику 32 года. В 1975-м – грандиозный успех: премия Ленинского комсомола. Благополучнейшая карьера молодого советского бонзы. Но Крапивин – не здесь, не в биографии.

Одни только названия его творений – словно стихи: «Та сторона, где ветер», «Всадники на станции Роса», «Колыбельная для брата», «Вечный жемчуг», «Трое с площади Карронад», «Журавлёнок и молнии», «Баркентина с именем звезды»... Повести Крапивина поэтичны, романтичны, человечны. Но главное не в этом. Детская литература – трудноуловимая субстанция: не проза с персонажами-детьми и не истории о детских проблемах. Крапивин разгадал состав волшебного эликсира.

Писатель Владислав Крапивин: 1987 год

Структура детского произведения должна соответствовать детскому способу взаимодействия с миром. У детей особое восприятие мира, свои поведенческие практики. И Владислав Крапивин определил четыре самых важных детских стратегии. Первая: дети не видят большой разницы между игрой, литературой и жизнью, они по ролям переигрывают литературные сюжеты и пытаются победить в жизни, как в дворовом состязании. Вторая: осваивая мир, дети придумывают ему новые законы, чтобы добиться первенства не борьбой, а простым изменением правил. Третья: дети верят в возможность чудесных превращений судьбы от маленького воздействия, от поворота ключика в замке, и потому обычные вещи у них могут стать волшебными – сверхценными

артефактами. И четвёртая: дети ищут убежище от неправильного мира.

Крапивин берёт эти сценарии и на их основе строит сюжеты в романтическом или сентиментальном антураже. То, что получается у Владислава Петровича, пробивает любую броню, потому что все взрослые когда-то были детьми. Уже один этот метод вывел бы Крапивина в классики. Но Крапивин пошёл ещё дальше.

Именно эти свойства детского поведения писатель Владислав Крапивин сделал «генератором фантастичности» – и родился мир взаимопроникающих параллельных пространств, которые отражаются друг в друге, а дети – сталкеры этого мира. Такую вселенную фанаты потом назовут Великим Кристаллом.

Здесь ребяташки, играя в звездолётчиков, с лесенки старой голубятни будут шагать в кабину космического «скадера» – суперкрейсера дальней разведки. Здесь привычный резиновый мячик станет оружием, способным насквозь пробивать неуязвимых манекенов, захвативших Планету. Здесь будут соблюдать неписанный закон, запрещающий собираться впятером, потому что число пять вызывает зловещее Нашествие, когда приходит чёрная туча из железных жуков, горят крыши домов, а молнии убивают людей на улицах.

Мир Великого Кристалла, ещё не названный, возник, пожалуй, к 1977 году – в повести «В ночь большого прилива». В 1982 году была трилогия «Дети синего фламинго», за которую Владислав Петрович получил премию «Аэлита». А потом – дивная и мрачная феерия «Голубятня на жёлтой поляне». Здесь мальчишки изготавливали порох из белоцвета, чтобы взорвать дорогу через миры, по которой ходил inferнальный поезд «Станция Мост – станция Мост». Здесь юные курсанты поднимали в Крепости безнадёжное восстание и прыгали с башни в пропасть, превращаясь в бессмертных ветерков. Здесь бенгальским огнём друзья зажгли из капель своей крови крохотную искру, оказавшуюся галактикой, а клоун-оборотень замогильно упрашивал мальчика: «Геля Травушкин, подари искорку...»

Крапивин писал – и пишет – быстро и много. Его повести первым публиковал журнал «Уральский следопыт», а потом Средне-Уральское издательство издавало их книгами, которые разлетались сотысячными тиражами. Лучшим иллюстратором крапивинских историй стала Евгения Стерлигова. Её рисунки – словно кружевная пена на волне; образы тонконогих глазастых мальчишек слились с прозой Крапивина. Можно говорить, что, подобно типу тургеневской

девушки, появился тип крапивинского мальчика. Вообще произошло небывалое: надменные издательства Москвы переиздавали книги Крапивина в том виде, в каком эти книги вышли в Свердловске.

Владислав Петрович, весь такой большущий и обаятельный, похож то ли на полярного капитана, то ли на хлебопёка-волшебника. При хозяине несёт службу верный тряпичный заяц Митька. В 1984 году Крапивин был награждён одним из главных мирных орденов СССР – орденом Трудового Красного Знамени. Казалось, будущее безоблачно. Однако отношения Мастера и Города сложились драматично.

Праздник послушания

Всё началось летом 1961 года. Слава Крапивин, литсотрудник журнала «Уральский следопыт», на улочках Уктуса организовал из мальчишек дворовый отряд – команду фрегата «Бандерилья». Выдумщику фрегатов было 22 года. И он решительно повёл свою команду в плавание на паруснике, правда, парусник был сооружён из надутых автомобильных камер, а парус оказался чёрным, так как его смастерили из шторы для затемнения при воздушной тревоге.

Потом бравый экипаж называл себя отрядом «Ветер» и отрядом «Мушкетёр», но осталось название образца 1965 года – «Каравелла», потому что над отрядом взял шефство могучий идеологический флагман – столичный журнал «Пионер».

Владислав Крапивин создал отряд под свою педагогическую методику. Суть её заключалась в том, что полноценная личность формируется в коллективе общим интересным делом. Крапивин придумывал ребятам дела: строить настоящие яхты и ходить под парусами, изучать историю флота и осваивать морские навыки, фехтовать на рапирах, снимать фильмы на ручную кинокамеру, писать заметки для свердловских и московских газет и журналов.

Семидесятые: писатель Крапивин, основатель клуба «Каравелла»

Постепенно «Каравелла» обзавелась детским пресс-центром, литературным альманахом «Синий краб» и киностудией с хулиганским названием FIGA. Но школьников СССР потрясла парусная флотилия «Каравеллы» – наверное, и ныне в мире нет другой детской эскадры. Крапивин придумал её, когда познакомился с работой дружины «Штормовая» в знаменитом лагере «Орлёнок». Это было в 1968 году. С тех пор каждый год «Каравелла» резервировала себе места в «Орлёнке».

Тропических широт славы «Каравелла» достигла к своему десятилетию. В 1972 году в Свердловске вышла книжка «Чем крепче ветер» – рассказ об отряде. Через два года в Москве о «Каравелле» издали брошюру «Море в конце переулка». Советская пресса обрела прекрасную натуру в виде белопарусных отрядных яхт на заводских водохранилищах, а мальчишки из «Каравеллы» становились звёздами телесюжетов о счастливом детстве в СССР. В 1980 году город выделил клубу большое помещение на первом этаже в доме № 44 на улице Мира – в этих стенах «Каравелла» занимается и сейчас.

Обратной стороной всесоюзной известности были претензии педагогического начальства, ведь посредственность не терпит сравнения с талантом, и зажим от местных властей – наказание за инициативу. Чтобы в Свердловске «Каравеллу» не колупали придирками, столичное партруководство присвоило клубу уникальный статус «экспериментальной пионерской дружины». Мудрый и терпеливый Владислав Крапивин умел встраиваться в государственную систему: через горком, ДОСААФ и Всесоюзную пионерскую организацию отряд получал финансирование, рабочие площадки, оборудование и материалы.

Владислав Петрович разработал отрядные правила. Детей принимали на борт «Каравеллы» с 8–9 лет. В основном приходили мальчишки, но были и девчонки. При вступлении все давали клятву, а на занятиях подчинялись Уставу. Занятия были обязательными и проводились два-три раза в неделю. Ребята носили форму: шорты, чёрные или оранжевые рубашки, красно-синие галстуки, флотские ремни, береты, погончики и разные нашивки. Крапивин и его помощники-инструкторы придумали отрядовцам множество песен, девизов, символов и традиций.

Мальчишки «Каравеллы» на клубных яхтах

Объединяя ребятшек интересным делом, отряд имел собственную иерархию: сегодня ты яхтенный матрос, завтра – шкипер, послезавтра – флаг-капитан. В разном по возрасту экипаже «Каравеллы» процветал пылкий культ порядочности. Дружба и взаимовыручка ориентировали отрядовцев на коллективизм, потому что иначе педагогам никак не организовать для воспитанников «счастливое детство».

С «Каравеллой» далеко не всё было просто. Отряд объявлял себя превыше быта: он важнее рыбалки с папой или похода в ТЮЗ с мамой, важнее, чем поехать в деревню к бабушке или забрать из садика младшую сестрёнку. В отрочестве формируется характер, подросток ссорится с родителями и школой, и отряд становился ему другом, который поддерживает в трудных ситуациях. Но иной раз, увы, отряд оказывался убежищем от жизненных проблем и обязательств.

«Каравелла» порождала два серьёзных конфликта. Первый – между отрядом и взрослыми. Отряд всегда принимал сторону отрядовца, а родителей и учителей это сердило. Владислав Петрович убеждал: уважайте решение подростка, даже если оно ошибочное, иначе в отроке не воспитать ответственность за выбор.

Другой конфликт – между отрядовцем и миром. Выпускники сходили с борта «Каравеллы» на берег обычной жизни людьми добрыми и честными, однако максималистами с обострённым чувством собственного достоинства – ну и с завышенными представлениями о собственной значимости. Зачастую этих ребят считали эгоцентриками, а родители потом выговаривали Крапивину: «У вас там из моего чада воспитали не человека, а сверхчеловека!» И Крапивин горько пояснял: вот это и есть норма, а мы все – увы, отклонение.

«Каравеллу» нельзя считать скаутским отрядом посреди пионерии, она тоже была пионерской, только вместо коммунистической идеологии Крапивин внедрял морскую романтику. И работа взрослых с детьми была настоящей, а не показухой для галочки. В отряде торжествовала железная дисциплина, из-за которой верхогляды теперь бурчат о каком-то «тоталитаризме» Крапивина. На деле такая дисциплина неизбежна, если взрослые берут личную

ответственность за жизнь и здоровье детей, под всеми парусами рассекающих на яхтах по водохранилищу.

Попасть в «Каравеллу» мечтал любой советский школьник, если он видел в «Пионерской правде» цветные фотки оранжевых барабанщиков. В «Каравелле» существовал настоящий и правильный мир: старшие не отнимали у младших мелочь, сильные не лупили слабых, взрослые не орали, а были умные и добрые, и хотелось их слушаться. Здесь не презирали тех, кто любит читать и не умеет курить. И это было важнее, чем плавать на яхтах, хотя яхты – тоже здорово.

А «Каравелла» и сейчас на ходу и в исправности, хотя в новую эпоху её «путь в архипелаге» оказался не менее драматичен, чем судьба Командора.

Фэндом, где разбиваются сердца

Неугомонный журнал «Уральский следопыт» выстукивал действительность: что молодёжи СССР дозволено из настоящего интерактива? Внутренний туризм. Техническое творчество. Региональная история. Фантастика. В 1981 году журнал учредил «Аэлиту» – собственную премию по фантастике. За фантастику в СССР не награждали, и «Следопыт» поступил очень смело. Но премия была лишь поводом для всесоюзного съезда любителей фантастики – фэнов, как они себя называли.

Премию придумал Виталий Бугров, редактор отдела фантастики «Следопыта» и скромный подвижник жанра. Интеллигентный и деликатный Виталий Иванович сидел в своём кабинете, заваленном рукописями до потолка, и знал о фантастике всё. Писатели и фэны приходили и ехали к Бугрову со всего Союза. «Следопыт» был лидером в продвижении фантастики, которую в СССР притесняли и гнобили.

В СССР фантастика была девушкой трепетной и целомудренной. У неё роботы были добрые, будущее – светлое и без денег, люди – альтруисты, а над колдунами следовало посмеиваться. От фантастики ещё не отделились мистика и фэнтези; о зомби и вампирах писать было нельзя; боевики и «космическая

опера» считались детскими жанрами; киберпанка, фанфиков и мэшапа вообще не существовало. Для Бугрова и его сподвижников фантастика вправду была «литературой мечты», как объявляло советское литературоведение. А фэны понимали её как драйв.

На рубеже 1970–1980-х в СССР развилось движение КЛФ – клубов любителей фантастики. В стране, где более-менее свободной была только техническая мысль, КЛФ вдруг оказались многочисленнее клубов филателистов или аквариумистов, разве что собаководы опережали всех. Свердловским КЛФ руководил геолог Игорь Халымбаджа, соратник и друг Виталия Бугрова. Совместить профессиональную награду и сборище фанатов – вот суть премии и фестиваля «Аэлита».

Для «Аэлиты» придумали знак, гибрид хайтека с камнерезным искусством: самоцветный шарик-планету на закрученных металлических держателях, которые символизировали движение. Форум назначили на весну. Премию-81 вручили сразу братьям Стругацким, бесспорным лидерам жанра и титанам советской литературы, и писателю Александру Казанцеву, злейшему врагу Стругацких. Без Казанцева награда Стругацким выглядела бы как фронда и даже диссидентство, и «Аэлиту» бы не разрешили. Стругацкие это поняли и приняли. Казанцев был литературным приспособленцем, полезным фантастике лишь тем, что советская власть не станет душить жанр, в котором могут обретаться персоны вроде Казанцева.

Первая «Аэлита» произвела фурор. Все КЛФ Союза потянуло к Свердловску, будто к пробоине в разгерметизированном самолёте. А любители фантастики отнюдь не были чудиками-«ботаниками». Фантастикой интересовалась активная молодёжь, которой оказалось тесно в рамках советской нормы. Эта молодёжь не имела ни организации, ни внятных стратегий жизни, но за ней стояло будущее.

Редактор «Уральского следопыта» вручает «Аэлиту» Киру Булычёву

Освоить его завядшая советская идеология уже не могла, а идеалисты вроде Виталия Ивановича Бугрова и его единомышленников, возможно, и не

осознавали, что молодёжь сидит в зале свердловского ДК «Автомобилист» вовсе не потому, что желает вернуть культуре инструмент изучения общества – жанр фантастики. Молодёжь просто хотела развлечений как на Западе: книжек и фильмов про звёздные войны, про монстров и суперменов, чтобы всё взрывалось, чтобы ходили тираннозавры, пришельцы и боевые роботы. Фэны жаждали драйва. Для них «открыться миру» означало «читать переводное» и «смотреть голливудское».

Драйв придёт вместе с новой эпохой, которая востребует всё, что отвергала советская парадигма. Аморфное движение КЛФ превратится в могучий фэндом, и его энергичные эмиссары откроют свои издательства, журналы, телепрограммы, сайты и субкультурные объединения. Появятся новые, более престижные форумы-конвенты и премии. Вырастут авторы и актёры и отформатируют себе аудиторию. Альтернативные историки, исследователи паранормального, футурологи и астрологи, маги и колдуны, экстрасенсы и эзотерики, разные ролевики, сектанты и веб-дизайнеры – все они так или иначе вспоены мутагенными коктейлями фэндома. Ничего дурного в том нет. Коммерческий успех вообще безусловен. Популярность зашкаливает. Но идеалы «Аэлиты» утрачены – впрочем, никто и не клялся служить им. Жажда большого мира превратилась в жажду адреналина, а установка на развлекательность определила вторичность культурного продукта.

Однако время для расхождения в ценностях между организаторами и фэнами пришло далеко не сразу. В 1980-х «Аэлита» бодро развивалась. Награду получали классики жанра – Сергей Павлов, Владислав Крапивин, Север Гансовский, Сергей Снегов... В начале 1990-х Бугров сообразно эпохе перенастроил «Аэлиту» на более попсовую волну: премию получили Василий Звягинцев и Геннадий Прашкевич. Но одним летним утром 1994 года Виталий Иванович не проснулся. Ему было 56 лет.

Премия дала сбой на два года, а потом её возобновили. Однако уже всё поменялось: и время, и фантастика, и общество. Феномен «Аэлиты» ушёл вместе с Бугровым. Весёлый писатель Сергей Другаль, лауреат 1992 года, вообще бросил писать. Своё решение он объяснил просто: «Без Бугрова мне это не интересно».

Глава вторая

Рок-н-бург

«Мы пришли с гитарами»

Мало того что они взорвали свой город, так ещё и вся та эпоха заговорила их голосами. «Мы пришли, мы пришли с гитарами», – всё объясняя, спел о них и о себе рок-бард Александр Башлачёв, тоже, кстати, свердловский студент: с 1978 по 1983 год он учился на журфаке университета. Хотя тон тогда задавали политехнический и архитектурный институты – УПИ и САИ. Почему они? Ну, в размышлениях о роли политеха поневоле вспоминаются «инженеры человеческих душ». А вот архитектура – это всегда ещё и управление людскими потоками.

Свердловские рокеры вовсе не были «поколением дворников и сторожей». По большей части они были поколением молодых инженеров и архитекторов. Не фрики, не маргиналы и не мученики, а более-менее благополучные и воспитанные ребята. Их поддерживали мощные вузы, и рокеры не были этакими сектантами. Правильнее сравнивать их не с катакомбными христианами, которых империя терзала на гладиаторских аренах, а с художниками-импрессионистами: элита считала их неумёхами, да и сами они вроде только пьянствовали, обнимая своих подружек, – и тем не менее создали новый язык для новых буржуазных ценностей.

Почему Свердловск оказался вторым после Ленинграда центром рок-н-ролла в СССР? Поэт Илья Кормильцев считал, что здесь, во-первых, много студентов, во-вторых, «ссылные», то есть вольнодумцы. Впрочем, следовало бы говорить о более свободном мышлении: свердловская интеллигенция была в основном технической, а законы инженерии не подчиняются советской идеологии.

Свердловский рок стал реакцией на «совок» от индустриального мегаполиса. Отсюда фактура образов – квартиры, подъезды, парки... Сердцу горожанина

нечем успокоиться. Нет сельского умиротворения на природе и нет столичного утешения высокими образцами искусства. Оправдание своей жизни не обрести даже в трудовой традиции, потому что она осталась лишь в малых исторических городках. Прямая и лобовая социальность – отличие свердловского рока от других течений советского рока и родовое наследие большого промышленного города.

Миром тогда владело диско – позитивная, понятная и яркая музыка. Для самопального советского рока конкурировать с диско уже было смелостью. Время повернуло так, что геройская поза оказалась героической позицией, а молодость жаждет подвига. Ну, советские рокеры и сделали своим подвигом свою музыку.

В Советском Союзе каждому новому поколению находилась какая-то великая цель, пожирающая неуёмную энергию молодости, а поколению 1980-х одряхлевшая компартия ничего придумать не смогла. Итогом стал рок-н-ролл – естественный и нормальный бунт детей против отцов: честности против договорённостей, максимализма против компромиссов. Этот бунт легко встраивался в политическую стратегию перемен, но первичной была молодость, а не идейный крах «совка».

Они выбрали для своей молодости вот такой вот рок-формат. А их молодость совпала с желанием общества омолодиться. И они оказались в зените неожиданно даже для себя. Так что их подвиг не в том, что они взлетели вверх, а в том, что они из зенита не сорвались вниз. Они не подвели. Эпоха оказалась им по плечу.

Хотя эти парни ничего особенного и не делали. Ходили по гостям из общаги в общагу, вместе квасили на квартирах приятелей, отбивали друг у друга девчонок, обменивались пластинками, ссорились и спорили, играли на гитарах. Первым реальным музыкальным объединением в конце 1970-х годов стал ансамбль «Сонанс» при университете. Лидерами его были Игорь Скрипкарь и Александр Пантыкин. Их крылья осенили многих будущих титанов свердловского рока, для которого в итоге «Сонанс» превратится в космогонический миф, в общую колыбель.

Советская молодёжь

Ансамбль играл некий сложный арт-рок и даже ездил на знаменитые тогда фестивали в Ригу и Черноголовку. Записав единственный альбом, в 1980 году «Сонанс» развалился на две команды: группу «Урфин Джюс» Пантыкина и группу «Трек» Скрипкаря. «Треку» досталась слава, Пантыкину – долголетие.

«Трек» прогремел в 1981 году в архитектурном институте на первом рок-фестивале, который был организован комитетом комсомола САИ. «Трек» играл что-то на блюзовой основе и крепко пронибал непривычную к блюзу аудиторию. Воодушевлённый признанием, «Трек» отправил свою запись в «Комсомольскую правду» – и тут же огрѐб со страниц газеты могучий разнос. Это резко увеличило интерес к группе, и вскоре она с большим успехом выступила в Москве. Однако с 1982 года в СССР начался зажим рок-музыки, и «Трек» потихоньку рассеялся.

В те времена самодеятельным музыкальным коллективам нужно было регистрироваться, согласовывать репертуар и проходить ежегодную аттестацию в филармониях. Рокеры не желали тратить время на такую бюрократическую хрень и свалили в «полуподполье». Свердловский горком комсомола решил вытащить хулиганов на свет и взять над ними шефство с целью перевоспитания. Рокерам придумали «рок-семинары». По сути, это были джем-сейшны и пьянки за казѐнные деньги где-нибудь на турбазе. Против такого кураторства рокеры возражать не стали. Первый «рок-семинар» прошѐл в конце 1982 года, и ещё в автобусе, в пути на турбазу, уже насмерть бились бухие барабанщики «Трека» и «Урфина Джюса».

В общем, как-то очень сильно помешать року власти в Свердловске не могли, а помогать не умели. Группы собирались сами по себе. Инструменты покупали у ресторанных ВИА или в «Граммофоне» – в магазине «Музыкальные товары» на улице Луначарского. Качество аппаратуры было аховое: вся рок-халабуда звенела и брэнчала, как сервант с фаянсом. Каждая группа подыскивала себе «репу» – репетиционную базу. «Репой» могла быть аудитория у хорошего препода, комната в каком-нибудь клубе или подсобка в подвале у доброго управдома. А ещё группы обзаводились директором, который организовывал концерты и продавал билеты.

Илья Кормильцев, участник тех событий, писал желчно и пренебрежительно: «Знаменитый свердловский рок в реальности представлял собой группу человек из десяти, между собою задолго и накрепко переругавшихся. Друг друга они терпеть не могли, а новичков в свой гадюшник старались не допускать». Однако Кормильцев всегда и всем был недоволен, и рок не исключение. Что ж, рокеров и вправду было мало, они собачились, и были они тогда, увы, просто бузотёрами. Но неважно, кем они были, если они столь громко сумели сказать столь многое.

Миссия «Рок-клуб»

Чтобы контролировать рок-движение, советская власть изобрела рок-клубы. Но власть была вялая и дряхлая, а рокеры – молодые и наглые, и на деле рок-клубы занимались именно тем, против чего их создавали: расширяли пространство свободы. Свердловский рок-клуб стал в СССР вторым после ленинградского.

Партия, комсомол, исполком и профсоюзы долго утрясали вопрос, и наконец обком КПСС дал отмашку. В учредители рок-клуба записали себя областной совет профсоюзов, обком ВЛКСМ и областное управление культуры, однако реальным демиургом был Николай Грахов, инженер с жадой общественной деятельности. Ему тогда было 33 года. Он окончил физтех УПИ и работал в Уральском научном центре. Неугомонный Грахов с юности был склонен из чего-то модного делать что-то популярное и ещё в 1976 году организовал первую в Свердловске дискотеку.

Свердловский рок-клуб открылся 15 марта 1986 года в Доме культуры имени Свердлова на улице Володарского (в доме напротив ещё год назад жил с семьёй Борис Ельцин). В ДК в комнатухе обосновался администратор рок-клуба – сначала Александр Калужский, потом Рудольф Стерхов. Ещё в ДК имелся небольшой и уютный зал для концертов. Великий и ужасный Грахов реял повсюду, как божий дух, на общественных началах. В рок-клуб вступило сразу 40 рок-групп, потому что андеграунд не был идеалом советского рока: рок-музыканты жаждали признания и социализации.

По официальной декларации, рок-клуб создавался для идейного окормления самозародившихся рок-групп. На практике рок-клуб просвещал неофитов, помогал искать «репы», устраивал концерты и следил, чтоб буйные рокеры не зарывались и не дёргали государственного тигра за усы. Например, в рок-клубе «литовали» тексты: профессиональный литератор подписывал акт о том, что стихи для песен вполне политически выдержанные. Но цензором часто бывал писатель Андрей Матвеев, нонконформист и вообще такой же смутьян, как и сами рокеры.

Главным ежегодным событием в жизни рок-клуба стали рок-фестивали: они называли новые имена и обозначали тренды. Первый фест на 20 групп начался 20 июня 1986 года в ДК имени Свердлова. Тогда оргкомитету ещё не хватало опыта, чтобы опознавать будущих хедлайнеров: первый суперблокбастер свердловского рока – «Разлука» – только шлифовался «Наутилусом» на «репе». Зато рок-клуб выводил рокеров из подполья, делал рок-музыку легитимной, предъявлял новые культурные практики и социальные стандарты. А потом всё запыляло.

Рок загремел по всей стране и ворвался в телевизор. Свердловский рок-клуб зажигал звёзды на каждом фестивале. Принадлежность к группе из СРК означала стр-р-рашную крутизну музыканта. В Свердловске рокеры стали кумирами: поклонники мечтали с ними побухать, а девчонки пробирались за кулисы и, млея, сидели в гримёрках. Делом чести считалось пройти на концерт любимой группы бесплатно – показать всем, что ты приобщён к высшей касте друзей этой группы.

Музыканты СРК старались не помрачить свои нимбы небожителей. Конечно, все соперничали друг с другом и ревновали, но главной проблемой были не козни, а низкий уровень музыкальной подготовки. В ссорах рокеры орали друг на друга: «Да он петь не умеет!», «Да они играть ни фига не могут!», «Там басов, на хрен, не было слышно!», «Ты, урод, добавь гитары в мониторы!» Если концерт не получался, то виноват, конечно, был звукорежиссёр: звук плохо выстроил, зараза.

Профессиональные музыканты очень ценились, но консерватория делала их скучновато-ортодоксальными, поэтому их ставили инструменталистами. В рок-клуб принимали и ресторанные коллективы. Учились рокеры друг у друга, сами по себе и как попало. Часто отношения между рокерами были натянутыми, однако время от времени все друг с другом работали. Самой престижной

площадкой был Дворец молодёжи. Лучшая звукозапись была на киностудии; потом там образовался бар «У дяди Вани», где усталые рокеры культурно отдыхали или просто квасили.

Николай Грахов относился к рок-клубу как к миссии. Издавал рок-бюллетени. В 1988 году провёл Всесоюзную конференцию «Рок-музыка как социокультурный феномен». В 1989 году ездил в Европу и США с лекциями о советском роке. Но довольно быстро Грахов понял: для продвижения и заработков группам дальше будут нужны рекорд-лейблы и профессиональные промоутеры, а не рок-клуб.

Николай Грахов среди рокеров. Грахов – второй слева, в белой куртке

В 1990 году СРК принял в свои ряды «Смысловые галлюцинации» – последнюю группу свердловского рока. А в 1991 году свердловский рок-клуб тихо исчез. Может быть, его миссия реально была завершена, как считал Грахов, а может быть, прав был Стерхов, который в интервью спокойно объяснил: в 1991 году прекратилось госфинансирование рок-клуба – и рок-клуб закрылся.

Николай Грахов найдёт себе новую миссию – FM. В 1991 году с его подсказки в Свердловске начнёт вещание первая в стране частная радиостанция Рудольфа Стерхова «Радио Трек». В 1992 году Грахов запустит и свою FM-станцию – «Радио Си». «Си» – усечённая «синица», в смысле «синица в руках». Птичка зачирикает в формате adult Contemporary: музыка для современных взрослых, золотые хиты. Проект окажется суперуспешен, хотя у Грахова тогда ещё не было ни аппаратуры, ни диджеев. И рекламу на радио никто не давал. Трансляцию вели с бытового магнитофона вроде «Яузы-203», а прямой эфир просто имитировали. Бывало, что посреди песни «ящик» принимался меланхолично жевать плёнку.

Дело удастся, и скоро в руках у Грахова созреет целый букет радиостанций. Каждая из них будет нацелена на свою аудиторию и будет работать в альянсе со своими партнёрами. Так появится радиохолдинг медиамагната Николая Грахова. В 1996 году он уверенно вышагнет за пределы Екатеринбурга. Ныне Грахов так или иначе владеет 25 радиостанциями, из которых на родине находятся только

восемь.

Николай Грахов, первый диск-жокей Свердловска, основатель легендарного свердловского рок-клуба, человек, обладающий удивительным талантом сочетать моду и миссию, в 2006 году станет лауреатом премии «Медиаменеджер России».

А в нынешнем Екатеринбурге существуют новые рок-студии и рок-клубы. Рок-центр «Сфинкс» даже сколько-то там получает из бюджета. Но никто не дорос до культовости СРК. Новый рок Урала благополучно обуржуазился, однако утратил силу натиска и озвучку на всю Россию. Рок-клуб J-22 открыл Юлию Чичерину, последнюю орлицу уральского рока, – и орлица в 1999 году улетела в Москву.

Не греметь!

Он всех знает, каждого чему-то научил, любому помог, везде участвовал, в общем, он – «наше всё». Его называют дедушкой, хотя он примерно ровесник и Бутусову, и Умецкому, и Шахрину, и Егору Белкину. Он почитается одним из трёх отцов-основателей свердловского рока наравне с Кормильцевым и Граховым. Короче, это Александр Пантыкин. Год рождения – 1958-й, город Свердловск.

Ещё школьником он собрал рок-группу «Слепой музыкант». Потом поступил на физико-технический факультет Уральского политеха и начал играть в ансамбле «Сонанс», но к 1980 году постепенно разошёлся во взглядах с Игорем Скрипкарем, другим лидером ансамбля, покинул «Сонанс» и завёл собственную команду со сказочным названием «Урфин Джюс». Годом позже Пантыкин представил своё детище концертом в УПИ, получил диплом инженера и направился учиться на эстрадное отделение музучилища по специальности «джазовое фортепиано».

Группу «Урфин Джюс» все знали и весьма уважали, но она если и гремела, то внутри своей тусовки. Не греметь вообще было особенностью Пантыкина. На

первом фестивале САИ «Урфина» поддержало только жюри, потом в СССР начался зажим рок-движения, а потом «Урфин» разросся в большую толпу, которая писала альбомы чуть ли не всем: и самому «Урфину», и Егору Белкину, и Насте Полевой, и раннему «Наутилусу» – он тогда был «Али-Бабой». Короче, на первом фесте СРК летом 1986-го «Урфин» ещё звучал, а потом как-то нигде уже не обнаруживался.

Александр Пантыкин

В звёздные годы свердловского рока Александр Пантыкин играл в негромкой группе «Кабинет» – скорее студийной, чем концертной. Здесь Пантыкин снова встретился с Игорем Скрипкарем, и в итоге опять всё закончилось непримиримыми разногласиями. «Кабинет» открылся в 1986 году, а закрылся в 1990-м.

При всём огромном общественном интересе к свердловскому року и при всей известности Пантыкина пресловутых пятнадцати минут славы ему почему-то не досталось. Возможно, причина этого – первое образование. Пантыкин и в музыке был инженером: монтировал звуковые композиции как технические конструкции, понимал законы гармонии как правила сопромата. Он сооружал произведения по жёстким технологиям: художественные решения были оптимальны и эргономичны, рационализм не позволял рисковать в неуравновешенности и всегда требовал надёжных точек опоры в классических форматах рок-н-ролла. Инженер Пантыкин вычислил параметры реверберации небесных сфер, и у него ничего не гремело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/aleksey-ivanov/eburg>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)